

Благодаря тому, что произошло во дворце, я была немного рада видеть Каликса.

— Теперь ты можешь делать то, что я тебе сказал.

Эннис говорит, что роль родителей в исцелении детских ран, конечно, важна, но братья и сестры также будут очень полезны.

По этой причине Эннис попросила моих братьев немного поучаствовать в сеансе исцеления.

Авель и Камиллан, которые узнали о моей истории, сразу же применили метод исцеления, которому их научила Эннис.

Они встали по обе стороны от кресла, в котором я сидела, и поочередно начали высказываться.

— Лотти, ты самая любимая в этом замке. Ты помнишь, что твой старший брат сказал вчера вечером?

— Разве твой второй брат не рассказывал тебе об этом? Когда я учился в Академии, все даже делали портреты своих сестер и хвастались ими, но никто не был таким красивым и милым, как моя сестра!

— Ты — сокровище семьи.

— Я так счастлив, что наша младшенькая вернулась!

Я привыкла к исцелению, которое близко к глупым комментариям служанок, но «исцеление» в исполнении двух моих братьев содержало больше информации, чем глупые комментарии, и выглядело убедительнее.

Мне почему-то стало так неловко за это, что по телу пробежали мурашки.

Но мне вовсе не было стыдно.

Мне было неловко, но я продолжала улыбаться и спрятала лицо за куклой-кроликом, которую обнимала.

— Прекратите.

Затем оба брата застыли. Внезапно Камиллан рухнул на ковер на полу.

— Раньше здесь жилось нормально... — он пробормотал это и издал какой-то странный звук.

Авель пустым взглядом посмотрел на меня, глубоко вздохнул, закрыл глаза и покачал головой.

Эннис уловила это и подсказала:

— Ты должен сказать ей, что именно чувствуешь, чтобы помочь принцессе.

— ...Я хочу обнять тебя, как только могу. Но мне кажется, что я сломаю Лотти, — Авель смотрел на меня, улыбаясь с неопишуемым выражением лица.

Если он действительно обнимет меня изо всех сил, думаю, он сломает мне что-нибудь.

Но тогда почему бы мне не обнять Авеля?

Поэтому я встала, подошла к нему и обняла.

С закрытым ртом у Авеля было такое лицо, что казалось, он терпит из последних сил.

Но вскоре все-таки крепко обнял меня в ответ.

— Я не могу этого вынести!

— Задыхаюсь!

Он обнял меня так крепко, что я задохнулась. На очень короткое время мне пришла в голову фраза: «До конца этой жизни».

К счастью, Авель быстро отпустил меня.

Камиллан подполз ко мне и сказал:

— А как же Милли? Разве ты не обнимешь меня?

На этот раз мне пришлось обнять и его.

А Каликс смотрел на всю эту ситуацию как на извращение.

Эннис заговорила и с ним:

— Пожалуйста, скажи слова поддержки принцессе Розетте. Будь таким же честным, как эти двое.

Авель и Камиллан тоже оглянулись на него со слегка ожидающими взглядами, а Каликс вздохнул, подошел ко мне и открыл рот:

— Быть честным?

Каликс появился передо мной. Я посмотрела на него, наполовину нервничая, наполовину радуясь.

Он ведь даже дал мне покататься на своей спине во дворце. Это называется «время исцеления», однако я не уверена, что он больше не будет капризничать.

Но он поднял подбородок с высокомерным выражением лица и выплюнул:

— Маленькая.

— Ч-что?

— Она тощая и маленькая, выглядит как трусишка и, как следствие, похожа на горошину.

Я почувствовала, что мои ожидания рухнули.

— Каликс, ты...

— Ты сказал мне быть честным. Я не хочу выдумывать. Девочка для меня просто горошина... Горошина.

Только что у меня было хорошее настроение, но вдруг я ощутила, что падаю духом.

Авель и Камиллан попытались вступить за меня, но Каликс фыркнул.

— Она не горошина. Не повторяй про горошину.

— А как еще назвать горошину, если не горошиной?

— Не делай этого!

— Маленькая, как горошина!

Я просила тебя не делать этого, но ты продолжаешь называть меня горошиной! Я поперхнулась и выплюнул слова, не заметив этого:

— Ты тоже маленький!

Каликс нахмурился, но я решила не сдаваться — набралась храбрости и поверила в своих двух братьев и Эннис:

— Т-ты чуть-чуть больше меня! Чуть-чуть больше! Как горошина!

— Что?

Конечно, Каликс — ребенок, но сейчас я была еще младше.

В настоящее время, даже когда тело ребенка занято более взрослой душой, и в нем живет дух взрослого человека, все, что осталось для меня — это ненависть и обида на Каликса, который продолжает называть меня горошиной, хотя у меня красивое имя.

— Чуть-чуть выше меня, чуть-чуть больше! Не называй меня горошиной! Ты тоже был на моем месте, когда был таким же маленьким, как я! Теперь ты просто немного больше меня!